

Д. А. Бажин*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА КАК ФОРМАЛЬНЫЕ СОСТАВЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Рассматриваются признаки объективной и субъективной стороны составов преступлений в сфере банкротства, сформулированных как формальные составы в зарубежном и до-революционном российском законодательстве. Также затронут вопрос о возможности понимания составов преступлений в сфере банкротства как формальных составов в современном российском уголовном праве.

Ключевые слова: состав преступления, объективная сторона, банкротство

In the article the elements of the actus reus and mens rea of body of a crime in the sphere of bankruptcy, formulated as formal structures in the foreign and pre-revolutionary Russian legislation are considered. Also the article dwells upon a question of possibility of formulation of bodies of crimes in bankruptcy sphere as formal in modern Russian criminal law.

Key words: corpus delicti, actus reus, bankruptcy

Любая неплатежеспособность юридического лица или предпринимателя независимо от того, была ли она вызвана либо сопровождалась правонарушениями или нет, выступает как явление в экономике, влекущее причинение ущерба. Под неплатежеспособностью, имеющей значение для возбуждения дела о банкротстве, в российском законодательстве понимается наличие у должника просроченной более чем на три месяца задолженности, размер которой для юридических лиц превышает сто тысяч рублей. Таким образом, неплатежеспособность неизбежно влечет причинение ущерба кредитору должника, чье требование не было своевременно удовлетворено. Помимо кредиторов неплатежеспособность может негативно влиять на работников должника, его контрагентов, перед которыми должник имеет те или иные обязательства. В определенных условиях стойкая неплатежеспособность способна привести к увольнениям, уменьшению заработной платы работников должника и в целом к росту социальной напряженности. Однако последствия несостоятельности не наказуемы до тех пор, пока не будет установлена вина. Именно виновное совершение деяний, повлекших неплатежеспособность или ухудшивших ее последствия, является, на наш взгляд, основным фактором, отграничивающим неэффективное, но добросовестное хозяйствование от проступка или преступления.

В связи с этим в работах И. А. Клепицкого¹, В. А. Крымова², А. Н. Классена³ и иных авторов высказано предложение о понимании составов преступлений в сфере банкротства как формальных и о смещении основного акцента с последствий в виде ущерба, выраженного в денежной форме, на субъективную сторону и мотив деятельности виновного лица. Данный вопрос сохраняет актуальность по двум причинам. Во-первых, преступления в сфере банкротства высоколатентны. Одним из объяснений такой латентности может выступать сложность доказывания объективной стороны преступления и, в частности, его последствий в виде крупного ущерба⁴. Во-вторых, история развития отечественного законодательства об ответственности за преступления, связанные с банкротством, и анализ зарубежных нормативных актов свидетельствуют, что составы преступлений в сфере банкротства могут быть восприняты как формальные и тем

* Бажин Дмитрий Александрович – аспирант Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: bazhindmitrij@yandex.ru.

не менее успешно применяться, не ограничивая свободу экономической деятельности и в то же время позволяя государству в лице правоохранительных органов воздействовать на кризисные процессы, протекающие в юридическом лице или у индивидуального предпринимателя.

Начиная с XV в. и заканчивая первым десятилетием XX в. все российские нормативные акты, посвященные проблемам банкротства полностью или в части, предполагали деление лиц, впавших в несостоятельность, на случайных, неосторожных и злостных банкротов в зависимости от причин, которые привели данных лиц к неплатежеспособности. Содержание и характер ответственности, к которой привлекались неосторожные и злостные банкроты, постепенно изменялись, однако необходимо отметить, что отнесение должника к злостным или неосторожным банкротам зависело от характера его деяний, а не от размера ущерба, причиненного кредиторам. Несчастливым или безвинным считалось банкротство, вызванное силами природы, пожаром, нападением. Неосторожное банкротство предполагало торговлю без капитала, организацию непостоянного для себя предприятия, получение кредитов в преддверии несостоятельности⁵, заключение сделок с недобросовестным контрагентом и т. д. Злостное банкротство — это банкротство, сопряженное с утаиванием имущества во время конкурса, сокрытием перед кредиторами своего неудовлетворительного финансового состояния, заключением сделки, увеличивающей долги, а также с явным нарушением положений Банкротского устава: неправильное ведение купеческих книг, отсутствие годового баланса, необъявление о своей неплатежеспособности и т. д.⁶ В Уставе о банкротах 1800 г. (последний в дореволюционной России крупный нормативный акт о банкротстве) нет даже указаний на причины несостоятельности и в качестве условия несчастной несостоятельности называется отсутствие вины, неосторожной — вина при отсутствии умысла и подлога, подложной — умысел и подлог. Вместо подробного перечня обстоятельств, приведших должника к банкротству, дается рекомендация анализировать характер расходов должника в предвидении банкротства, его экономическую деятельность и иные показатели, которые могут свидетельствовать о наличии или отсутствии в действиях должника неосторожности или умысла⁷.

Непосредственно уголовно-правовую защиту правоотношениям в сфере банкротства, урегулированным Уставом о торговой несостоятельности 1832 г., последовательно обеспечивали два нормативных акта: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. с последующими изменениями и Уголовное уложение 1903 г. Диспозиции составов преступлений, предусмотренных ст. 1163—1168 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, являются бланкетными. Нормативный акт ограничивается указанием на то, что признание должника злостным или неосторожным банкротом влечет уголовное наказание. Уголовное уложение 1903 г. конкретизирует характер деяний, связанных с банкротством и влекущих уголовное наказание, а также обстановку их совершения. Часть составов (ст. 599, ст. 600, чч. 1 и 2 ст. 601 Уголовного уложения) сформулированы как формальные. Составы ст. 602 и 603 об ответственности за неосторожное банкротство являются материальными, однако в качестве последствия в них выступает не ущерб, определяемый в денежной сумме, а прекращение платежей и признание должника несостоятельным. Последствия в виде крупного ущерба учтены в особо квалифицированных составах абз. 2 ст. 600 и абз. 5 ст. 601 Уголовного уложения, где они названы наряду с упадком дел кредитного установления и разорением многих лиц. Ни в одном из составов преступлений последствия не определены в виде ущерба, размер которого указан в твердой денежной сумме. Более того, законодатель ни разу не указывает на то, что ущерб должен определяться исключительно в денежном выражении.

В то же время применение формальных составов преступлений в сфере банкротства было поставлено законодателем в зависимость от трех условий.

Во-первых, во всех составах преступлений ст. 599–603 Уголовного уложения привлечение к уголовной ответственности было возможно только при признании должника банкротом. До этого момента могли быть совершены деяния, влекущие ответственность, но само привлечение к ответственности откладывалось до принятия соответствующего судебного акта. Под признанием должника банкротом, по мнению Н. С. Таганцева, необходимо понимать судебный акт о возбуждении процедуры банкротства, следующий за принятием заявления о признании должника несостоятельным, а не итоговое решение суда⁸. Указание на первоначальный судебный акт по делу о банкротстве, а не на решение или определение арбитражного суда, которым должник признавался банкротом, позволяло однозначно констатировать наличие признаков банкротства, но не откладывать привлечение к уголовной ответственности до того момента, когда установить признаки конкретного деяния и причинную связь между деянием и последствиями в виде наступившей несостоятельности будет трудно.

Во-вторых, единое для всех составов злостного банкротства — совершение преступления с целью избежания платежа долгов, своих собственных или юридического лица, в котором субъект преступления выполнял функции руководителя. В содержание вины при злостном банкротстве обязательно входила корысть, которая и позволяла отграничить злостное банкротство от неосторожного или несчастного. Именно стремление обогатиться за счет кредиторов считалось одним из основных криминализирующих факторов банкротства. Составы преступлений в сфере банкротства, распространявшие действие на физических лиц, не требовали, чтобы цель деяния была достигнута. В свою очередь при преступлениях в сфере несостоятельности юридических лиц не предполагалось изъятие имущества должника в пользу виновного.

В-третьих, для привлечения к ответственности за деяния злостного банкрота было необходимо, чтобы наказуемые деяния были совершены либо после признания должника банкротом, либо до такого признания, но при условии, что субъект преступления предвидел банкротство в скором времени. Оценочный признак «в скором времени», содержащийся в диспозиции, существенно усложнял субъективную сторону деяния, однако законодатель вынужден был пойти на это, поскольку понятия признаков банкротства в дореволюционном российском праве не существовало. Для целей же квалификации было необходимо указать период, в течение которого деяния должника будут рассматриваться как неправомерные. К признанию банкротства неосторожным, в отличие от злостного, приводили не конкретные преступные действия, а общие грубые просчеты при ведении хозяйственной деятельности, расточительность, неаккуратность ведения бухгалтерии. По этой причине для неосторожных банкротов ограничения во времени совершения деяния установлено не было, однако и меры ответственности были значительно менее строгими, чем для злостных банкротов.

Анализ зарубежных источников уголовного права свидетельствует, что, если составы преступлений в сфере банкротства сформулированы в них как формальные, это предполагает наличие в данных составах сложной субъективной стороны, включающей предвидение несостоятельности или осознание того, что должник уже является банкротом. Привлечение к уголовной ответственности оказывается возможным только после возбуждения дела о банкротстве или при возникновении условий, ясно свидетельствующих о кризисе в деятельности должника.

В частности, согласно ст. 283 УК ФРГ⁹ на момент совершения деяния виновный должен осознавать, что он скрывает, утаивает имущество или совершает иные деяния при наличии имущественной несостоятельности, угрозе наступления или наступлении неплатежеспособности. Под неплатежеспособностью понимается фактическая неспособность исполнить обязательство в обозримое время. Угроза наступления неплатежеспособности должна быть реальной, прогнозируемой исходя из состояния дел должника. Например, принципиальное значение имеют сроки и размеры предстоящих платежей

кредиторам. Таким образом, субъективная сторона состава ст. 283 УК ФРГ усложнена по сравнению с субъективной стороной составов ст. 195 УК РФ тем, что должник обязан осознавать в одном случае не собственную неплатежеспособность, о которой он мог бы судить в связи с прекращением платежей, а имущественную недостаточность. В других случаях от субъекта преступления требуется осознание того, что он не только прекратил платежи, но и будет не в состоянии их произвести в обозримое время, либо предвидение неплатежеспособности в будущем.

Привлечение к уголовной ответственности за правонарушения в сфере банкротства возможно при наличии хотя бы одного из трех условий: 1) прекращение должником платежей; 2) возбуждение производства по делу о несостоятельности; 3) отказ в возбуждении производства по делу о несостоятельности в связи с отсутствием у должника имущества, на которое может быть обращено взыскание. Соответственно в двух из трех возможных вариантов привлечение к ответственности будет ориентировано на борьбу с деяниями, уже приведшими к банкротству должника.

В Уголовном кодексе Мальты ответственность за правонарушения в сфере несостоятельности закреплена в ст. 191–195¹⁰. Субъект преступлений, предусмотренных данными статьями, специальный, их исполнителем может быть исключительно лицо, осуществляющее торговлю. Составы преступлений закреплены как формальные, при этом, исходя из текста указанных статей, можно сделать вывод о том, что к уголовной ответственности привлекаются только те лица, которые уже признаны банкротами. Данный вывод справедлив для составов и злостного «мошеннического», и неосторожного «простого» банкротства. Субъективная сторона полнее раскрыта в составе «простого» банкротства, где деяния, предусмотренные п. «с» ст. 192, совершаются с целью отложения признания должника банкротом, а деяния, закрепленные пп. «d» и «e», имеют место после прекращения должником платежей, что осознается субъектом преступления.

Для уголовного права Франции, где составы преступлений в сфере банкротства также признаны формальными, характерно, что «предварительным условием» привлечения к ответственности признается возбуждение производства по делу о несостоятельности, причем достаточно начала судебных оздоровительных мероприятий, которые обязательно предшествуют конкурсу. Торговый суд в такой ситуации устанавливает факт прекращения платежей и принимает соответствующее решение.

Наказуемость банкротских злоупотреблений и возможность привлечения к ответственности за правонарушения в сфере банкротства в английском праве поставлены в зависимость от гражданско-процессуальных актов: решения суда о ликвидации компании, решения о добровольной ликвидации, петиции, содержащей ходатайство о признании несостоятельности лица, решения о признании банкротом и др.¹¹ Применительно к моментам издания этих актов устанавливается простое или ретроспективное течение сроков, в которые могут быть совершены те или иные преступления. Привлечение к ответственности возможно только после принятия судом решения о ликвидации или банкротстве должника.

Таким образом, существование системы преступлений в сфере банкротства, криминализирующим признаком которых не являлся крупный ущерб, выраженный в денежной форме, было возможно в дореволюционной России и присутствует в зарубежных странах при следующих условиях.

Ответственность за правонарушения в сфере банкротства ограничивается гражданской и уголовной. Административная ответственность либо отсутствует, либо предусмотрена за принципиально иные деяния, нежели уголовная ответственность.

К уголовной ответственности виновный привлекается только в случае возбуждения дела о банкротстве. В результате меры уголовно-правового воздействия заведомо ориентированы исключительно на борьбу с уже совершенными преступлениями в случае

несостоятельности должника. На уголовное право, как правило, не возлагается задача предотвращения криминальных банкротств на стадии, когда производство по делу о несостоятельности конкретного должника еще не возбуждено. В большинстве же случаев привлечение к ответственности возможно только после признания должника банкротом.

Привлечение к ответственности связано с установлением достаточно сложной по содержанию субъективной стороны преступлений в сфере банкротства. В российском дореволюционном праве она включала цель избежания платежа долгов, а также осознание ситуации банкротства или скорого банкротства должника. В нормативных актах зарубежных стран субъективная сторона содержит осознание имущественной несостоятельности, неплатежеспособности как невозможности выполнить обязательства перед кредиторами в обозримой перспективе или предвидение неплатежеспособности.

Даже при наличии перечисленных условий отдельные составы преступлений в сфере банкротства в российском дореволюционном праве были сформулированы как материальные, в том числе содержащие указание на ущерб как на последствие совершения преступления, однако без конкретизации его размера в денежном выражении.

На наш взгляд, в российских условиях отказ от признака крупного ущерба в денежном выражении как последствия совершения преступлений в сфере банкротства невозможен. Во-первых, при исключении данного признака нивелируется различие между условиями привлечения к уголовной ответственности по ст. 195–197 УК РФ и к административной ответственности по ст. 14.12–14.13 КоАП РФ. Во-вторых, переход к формальным составам требует уточнения обстановки, при которой возможно привлечение к уголовной ответственности, что особенно существенно для составов ч. 1 ст. 195 УК РФ. В противном случае под уголовную ответственность будут попадать обычные гражданско-правовые деликты, а также деяния, являющиеся элементами обычной хозяйственной деятельности должника. В-третьих, потребуется изменить субъективную сторону составов преступлений в сфере банкротства, включив в нее условия, ограничивающие применение данных составов преступлений, например цель избежания платежа долгов, осознание имущественной недостаточности, предвидение банкротства в скором времени, в то время как практика применения ст. 196 и 197 УК РФ соответственно свидетельствует о сложности доказывания данных признаков субъективной стороны.

¹ Клепицкий И. А. Банкротство как преступление в современном уголовном праве // Государство и право. 1997. № 11. С. 58–59.

² Крымов В. А. Проблемы в установлении субъекта преднамеренного банкротства // Рос. судья. 2007. № 4. С. 38–40.

³ Классен А. Н. Проблемы ответственности за неправомерные действия при банкротстве (социальные и уголовно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 7.

⁴ Аналитическая записка к статистическому отчету о работе арбитражных судов Российской Федерации в 2010 году // URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/ABB739E6657079D763C2E5A005FA9779_1.pdf. Уголовно наказуемые деяния в сфере банкротства составляют менее 1 % от общего числа преступлений экономической направленности. По состоянию на ноябрь 2010 г. было рассмотрено всего 665 заявлений о преступлениях в сфере банкротства. При этом в 2010 г. в арбитражные суды Российской Федерации поступило 40 243 заявления о несостоятельности (банкротстве).

⁵ Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888. С. 34.

⁶ Там же.

⁷ Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. С. 70–71.

⁸ Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года // СПб., 1904. С. 900.

⁹ Criminal Code in the version promulgated on 13 November 1998 // Federal Law Gazette [Bundesgesetzblatt] I. P. 3222. Last amended by Article 3 of the Law of 2 October 2009 // Federal Law Gazette I. P. 3214.

¹⁰ Criminal Code of the Republic of Malta // URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>.

¹¹ Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 282.